

Лопес¹

— Припозднился ты, папи, нельзя заставлять больного так долго ждать. Мне со вчерашнего вечера никто повязку не менял. Совсем, видно, про меня забыли.

— А я-то тут при чем? Не я вчера дежурил. Ну давай, Лопес, ложись, будем менять.

Он лег на спину и, устроившись поудобнее (скрестив ноги, подложив руки под голову), кивнул: валяй.

— Вот я и говорю, папи, кроме тебя обо мне тут никто не позаботится. Я и соседям своим так сказал: вон, говорю, идет мой доктор, уж как он умеет менять мне повязки, никто больше так не умеет!

Этот диалог повторялся у нас каждое утро. Хорхе Лопес, немолодой пуэрториканец с огромным пузом, провел в больнице уже больше трех месяцев и, судя по всему, никуда отсюда не собирался. Колит, с которым он поступил к нам, вылечили раз и навсегда, удалив толстую кишку. Но в послеоперационный период начались осложнения, расхождение краев разреза, бактериемия. Лопеса откачали, разрез повторно открыли и оставили заживать «естественным способом». Как правило, зараженные раны так и заживают, при условии что сам больной не мешает процессу, соблюдает правила гигиены

¹ Хотя в основу этой книги легли реальные события, не следует воспринимать ее как документальную прозу. Все имена, за исключением имени автора, вымышленные.

и т. д. В случае Лопеса все было ровно наоборот: понятия «гигиена» и «постельный режим» были ему чужды. Успев побрататься с другими, такими же, как он, пациентами со стажем, он целыми днями слонялся по этажу либо смывался через черный ход — покурить и купить пива в ближайшем ларьке. То и дело снимал повязку (надо потрогать, проверить, заживает ли).

— Как там, папи, заживает, нет? По-моему, только хуже становится.

— Хуже не хуже, а улучшения пока не видно. Тебе бы вакуум¹ поставить, сразу бы лучше стало. А так и за три года не заживет. Хочешь, я тебе вакуум поставлю?

— Не-не-не, папи, вакуум мне нельзя, даже не думай. Он мне все брюхо раздерет, я с ним ни спать, ни жить не смогу!

— Ну как знаешь.

Возможно, он нарочно подыгрывал, видя, что мне нравится этот ритуал, его фамильярность и то, как он вальяжно расположился на своей койке (вид клиента массажного салона), пока я вожусь с его распоротым брюхом, промывая никак не срастающуюся фасцию, покрытую зеленоватой плесенью. В непрветриваемой палате пахнет сигаретами и фастфудом. По телеку крутят фильм тридцатилетней давности, в котором один из голливудских ковбоев охотится за советскими шпионами («Доктор, ты ведь руссо? Тогда это для тебя...»). Уставившись в экран под потолком, я продолжаю машинально разматывать бинт, повторяю назидательно-бессмысленную

¹ Имеется в виду герметичная повязка, соединенная с вакуумным насосом, откачивающим жидкость из раны.

речь о необходимости следовать предписаниям врача и здоровом образе жизни. Для меня это десять минут отдыха.

Если ты живешь в Южном Бронксе, тебе незачем смотреть боевики. Узнав, что меня отправляют на стажировку в печально известный Линкольн-Хоспитал, знакомый хирург резюмировал: «Ну что ж, побудешь фронтовым врачом. Заодно и испанский подучишь». Насчет последнего он все-таки ошибался, хотя значительную часть местного населения составляют пуэрториканцы, доминиканцы и прочие латинос. Дело в том, что многие из врачей, работающих в Линкольне, — тоже эмигранты, но испанским они не владеют. В основном это африканцы, индийцы или выходцы из Восточной Европы — все те, чей американский путь к звездам лежит через тернии бесконечных переэкзаменовок и ординатуры в гетто. Двум сторонам трудно найти общий язык, приходится объясняться на пальцах. К счастью, в операционке все несколько проще.

В отличие от других, Лопес бегло изъяснялся по-английски, никогда не упуская случая выступить в качестве переводчика. Когда ему становилось невмоготу сидеть у себя на шестом этаже, он сбегал в травмпункт поприветствовать новоприбывших.

— Ай-ай-ай, чико, Габриэлу опять порезали. Доктор, ее опять муж порезал, да?

— Хватит здесь ошиваться, Лопес, иди обратно в палату.

— Сейчас, папи, сейчас. Эй, а кого это там привезли? Небось Фернандо?

— Не знаю, Лопес, это не мой пациент. Да и если бы знал...

— Точно Фернандо, он на сто сорок пятой улице живет, только что из тюрьмы вышел. У него старший брат — большой человек в Доминиканской.

Рассказывать о своей «добольничной» жизни Лопес отказывался, так что его осведомленность некоторое время оставалась загадкой. На наркодилера он не был похож, на священника тоже. Откуда же ему известна биография каждого бандита в Южном Бронксе? Дело выяснилось, когда в Линкольн поступила престарелая сеньора Лопес, мать героя (поступила, как ни странно, все с тем же колитом). Разгадка оказалась до обидного простой: Лопес — мороженщик, в свободное от лазарета время он толкает по Бронксу тележку с эскимо.

Прибытие матери было как бы сменой караула: на следующий же день Лопес удрал из больницы, прихватив с собой недельный запас бинтов и соляного раствора. «Вы не обижайтесь, — успокаивала *la madre*. — Он ненадолго. Просто у него там дела какие-то появились. Вот он их доделает и сразу вернется. Ему здесь хорошо...»

Через три дня его тело нашли на стоянке возле супермаркета «Вестерн Биф». Непредумышленное убийство, то бишь бытовая поножовщина или что-то вроде того, толком не разобраться.